

Бешукова З. М.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ НЕКОДИФИЦИРОВАННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых средств противодействия экстремизму (экстремистской деятельности) периода неcodифицированного уголовного законодательства Советской власти. Предметом исследования являются положения законодательных актов Советской власти, регламентирующие в той или иной степени ответственность, за деяния, которые в соответствии с ныне действующим законодательством, подпадают под понятие экстремизма (экстремистской деятельности). Констатируется, что отказ от достижений ранее действовавшего уголовного законодательства фактически был равнозначен отказу от восприятия положительного опыта существующего в дореволюционном законодательстве. Методологической основой настоящего исследования служат базовые положения диалектического метода познания явлений и процессов объективной действительности. Также в работе использовались современные общенаучные, частнонаучные и специальные методы исследования: логико-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурного анализа и др. Проведен комплексный анализ положений Декларации прав народов России 1917 г., Конституции РСФСР 1918 г., а также ряда Декретов Советской власти, регулирующих отношения в сфере функционирования различных религиозных конфессий. Сделан вывод, что первые законодательные акты Советской власти, определяющие характер государственно-церковных отношений, соответствовали международным правовым нормам и создавали условия для равноправного функционирования различных религиозных конфессий. Кроме того, автором изучен ряд нормативно-правовых актов, устанавливающих ответственность за контрреволюционные преступления. Несмотря на то, что правовые акты Советской власти оперируют понятием «контрреволюционная деятельность (контрреволюционное деяние)», четкой формулировки данного понятия не существовало. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что под контрреволюционной деятельностью следует понимать всякое посягательство на Советскую власть. В законодательстве же данное понятие раскрывалось аналогично ныне действующему понятию экстремизма – путем перечисления различных деяний. В первые годы Советской власти законодательство в области противодействия экстремизму получило принципиально новую форму. Это объясняется сменой социально-политического строя страны, началом процесса создания нового социалистического права и нормативно-правой базы государства.

Ключевые слова: экстремизм, свобода совести, религия, Советская власть, контрреволюционное деяние, Революционный трибунал, объективное вменение, уголовное право, преступление, наказание.

Review. This article is dedicated to the analysis of legal means in counteracting extremism (extremist activity) in the period of uncodified criminal legislation of the Soviet power. The subject of the research is the positions of legislative acts of the Soviet power that regulate to one or another extent the responsibility for actions, which in accordance with the current legislation, fall under the notion of extremist (extremist activity). The author claims that the rejection of the achievements of the former legislation is practically equal to the rejection of apprehension of the positive experience that existed in the pre-revolutionary legislation. A complex analysis

of the positions of the 1917 Declaration of the Rights of the Peoples of Russia, Constitution of the Russian Soviet Federated Socialist Republic, as well as a number of the Soviet Decrees that regulate relations in the area of functioning of the various religious confessions, is being conducted. The conclusion is made that the first legislative acts of the Soviet Power that determine the character of the state-church relations, corresponded with the international legal norms and established the conditions for the equal functioning of the various religious confessions. In addition to that, the author examined a number of the normative legal acts that codify the responsibility for the counterrevolutionary crimes. This work allows making a conclusion that under the counterrevolutionary activity we should understand any threat to the Soviet power; this notion was defined in the legislation similarly to the currently existing notion of extremism. During the first years of the Soviet government, the legislation in the area of counteracting extremism, gained a principally new form; this is explained by the change in the socio-political structure of the country, and the beginning of the process of establishing the new socialistic law and the normative legal base of the state.

Keywords: *extremism, freedom of conscience, religion, Soviet authority, a counter-revolutionary act, Revolutionary Tribunal, objective imputation, criminal law, a crime, punishment.*

Анализ уголовного законодательства императорской России, регламентирующего ответственность за экстремизм (экстремистскую деятельность) [1, с. 810–820] показал, что, несмотря на имеющиеся недостатки в регулировании общественных отношений в данной сфере, в России сложилась все же относительно полная система преступлений, явившихся прототипом современных преступлений экстремистского характера. При этом деяния, подпадающие под ныне действующее определение экстремизма (экстремистской деятельности), были включены в главы, в которых регламентировалась ответственность за государственные преступления и преступления против веры [2, с. 262–268].

В связи с вышеизложенным необходимо отметить, что в настоящем исследовании будут рассмотрены законодательные акты Советской власти, регламентирующие в той или иной степени ответственность, за деяния, которые в соответствии с ныне действующим законодательством, подпадают под понятие экстремизма (экстремистской деятельности). Из легального определения экстремизма, данного в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» следует, что перечень преступлений экстремистского характера достаточно широк. Они включены в разные главы и разделы Уголовного кодекса РФ. Вместе с тем большинство из данных деяний

относятся к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, против общественной безопасности и общественного порядка [3, с. 112–114].

Советский период истории развития уголовного законодательства ведет отчет с октября 1917 года. В юридической литературе существуют разные точки зрения, касающиеся вопроса становления и развития советского законодательства. Так, А. И. Бойко делит советский период на три этапа: 1) 1917 г. – начало 30-х гг.; 2) начало 30-х гг. – начало 60-х гг.; 3) 60-е гг. – декабрь 1991 г. [4]. Б.В. Волженкин выделил четыре периода: 1) 1917 – начало 30-х гг.; 2) начало 30-х гг. – 1956 г.; 3) 1956 – середина 60-х гг.; 4) середина 60-х – конец 80-х гг. [4]. Вопрос периодизации советского уголовного права не входит в цель настоящего исследования, однако необходимо отметить, что процесс создания уголовного законодательства Советской власти начался с принятия отдельных нормативно-правовых актов, устанавливающих уголовную ответственность за наиболее опасные преступления.

Предваряя анализ нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в рассматриваемой нами сфере, следует отметить, что первые законодательные акты Советской власти, принятые в ноябре 1917 г. – ноябре 1918 г. «не только не запрещают, но и допускают возможность применения» дореволюционного законодательства, однако «условия их примене-

ния формулируются настолько жестко, что делают невозможным это фактически» [5, с. 532]. В частности, ст. 5 Декрета Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) от 5 декабря (22 ноября) 1917 г. «О суде» № 1 предписывалось, что «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [6, с. 125]. Однако уже в примечании к ст. 22 Декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК) от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» было прямо указано, что «ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются» [7, с. 121]. На основании изложенного можно заключить, что отказ от достижений ранее действовавшего уголовного законодательства фактически был равнозначен отказу от восприятия положительного опыта существующего в дореволюционном законодательстве.

К числу нормативно-правовых актов Советского государства, регулирующих отношения в области противодействия деяниям, подпадающим под легальное понятие экстремизма, относится в первую очередь Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. В данном документе были провозглашены «равенство и суверенность народов России», «отмена всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений», «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России», закреплено «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [8]. Фактически из приведенных положений Декларации следовало, что Советской властью признается одинаковый подход при решении вопросов о правах и свободах, об обязанностях и ответственности всех людей независимо от их национальной и (или) религиозной принадлежности.

10 (23) ноября 1917 г. Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и сол-

датских депутатов был утвержден Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [9], вступивший в силу 11 (24 ноября) 1917 г. Данный Декрет уничтожил все сословия, титулы и чины Российской империи, заменив их единым «наименованием» – «гражданин Российской Республики».

20 января (2 февраля) 1918 г. принят Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в соответствии с которым устанавливался запрет издавать «какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» [10]. Декретом закреплялась свобода вероисповедания: «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой», а также провозглашался принцип равноправия граждан независимо от отношения к религии: «всякие правонарушения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются» [10]. Последнее также означает недопустимость установления для представителей той или иной религиозной конфессии ограничивающих или унижающих правил.

Ряд исследователей в целом положительно оценивают данный акт Советской власти, отмечая, что «в его основе лежал принцип социальной справедливости» [11]. Другие же, напротив, считают, что это не так, «хотя бы потому, что в соответствии со статьями 12, 13 Декрета религиозные объединения были лишены статуса юридического лица и права собственности на принадлежащее им имущество, которое передавалось им в пользование от имени государства» [12, с. 23]. Однако необходимо отметить, что именно данный Декрет стал одним из первых актов Советской власти, закрепивший свободу совести на территории России.

В дальнейшем принципы декрета получили развитие в Конституции РСФСР 1918 г. В ст. 13 пятой главы Конституции отмечалось, что «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода

религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [13]. Данное конституционное положение имело принципиальное значение и означало, что во вновь образованном государстве отсутствует всякая церковная власть над органами государственной власти; церковь и никакие ее иерархи не могут исполнять какие-либо государственные функции; государство не признает юридической силы никаких церковных актов, религиозных правил; государство отказывается от финансирования расходов какой-либо церкви. Следует отметить, что указанные признаки, вытекающие из анализируемого конституционного положения, входят в понятие светского государства. Поэтому можно заключить, что Советскому государству был присущ светский характер.

Важно отметить, что в Конституции также закреплялась свобода выражения своих мнений, свобода собраний, свобода организации и действия, однако в общем перечне прав и свобод на первое место была поставлена именно свобода совести. Тем самым подчеркивался приоритет регулирования вопросов, связанных со свободой совести. Несмотря на то, в уголовном законодательстве данного периода развития Советского государства отсутствовали нормы, корреспондирующие данному конституционному положению, изложенное позволяет заключить, что первые законодательные акты, определяющие характер государственно-церковных отношений, соответствовали международным правовым нормам и создавали условия для равноправного функционирования различных религиозных конфессий.

Провозглашенные в ст. 13 Конституции отделение церкви от государства и отделение школы от церкви также являются важнейшими принципами светского государства. Следует согласиться с мнением, что «первое послеоктябрьское десятилетие можно охарактеризовать как период последовательной реализации принципов свободы совести. Религиозные объединения, вступив в соответствующие договорные отношения с органами власти, обретали правовую защиту. Им предоставлялось право свободного ведения религиозной пропаганды, право занятия производственной, культурно-просве-

дительской, благотворительной деятельностью. С января 1919 г. действовал единогласно принятый СНК РСФСР Декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Данные нормативные установления и политический курс Советского государства говорят о том, что свобода совести на тот период была реальностью, обеспеченной совокупностью политических, правовых, материальных и иных гарантий» [14, с. 55].

Как было отмечено ранее, 24 ноября (7 декабря) 1917 г. Советом Народных Комиссаров был опубликован первый нормативный акт Советской власти – Декрет «О суде» № 1, которым упразднялась существовавшая прежде судебная система. В соответствии с положениями данного Декрета прекращали свою деятельность все судебные органы дореволюционной России, за исключением института мировых судей. Кроме того устанавливалось два вида судов – народные суды и революционные трибуналы.

19 декабря 1917 г. Народный Комиссариат Юстиции (далее – НКЮ) издал инструкцию «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» [15], которой определялась юрисдикция Трибунала. В соответствии с данной Инструкцией к юрисдикции Революционного трибунала относятся:

- а) дела о лицах, организующих восстание против Рабоче-Крестьянского Правительства;
- б) дела об активном противодействии Правительству или неподчинении ему;
- в) призывы других лиц к противодействию или неподчинению Правительству;
- б) дела о лицах, использующих свое положение по государственной или общественной службе, чтобы нарушить или затруднить ход работ в учреждении или предприятии, в котором они состоят, или состояли на службе. Важно отметить, что законодатель попытался определить перечень преступлений, подпадающих под данную категорию дел, и перечислил отдельные из них в соответствующем пункте. Однако, несмотря на это, он все же оставил этот перечень открытым. К ним НКЮ были отнесены саботаж, сокрытие или уничтожение документов или имущества.

в) Прекращение или сокращение производства предметов массового потребления без действительной к тому необходимости;

г) скупка, сокрытие, порча, уничтожение предметов массового потребления и иные действия, способные вызвать недостаток данных предметов на рынке или повышение цен на них;

д) нарушение декретов, приказов, обязательных постановлений и других опубликованных распоряжений органов Рабоче-Крестьянского Правительства, если в них предусмотрено предание за нарушение их суду Революционного Трибунала;

ж) злоупотребление властью, представленной революционным народом, с использованием общественного или административного положения, представленной революционным народом.

Преступления против народа, совершаемые путем использования печати, подлежат ведению особо учреждаемого Революционного Трибунала печати.

Как видим, Советской властью впервые была сделана попытка определить нормы Особенной части уголовного права, устанавливающие ответственность за так называемые преступления против государственной власти, относящиеся к подсудности Революционного трибунала. Анализ системы вышеперечисленных преступлений позволяет заключить, что под преступлениями против государственной власти понимались преступления, могущие подорвать авторитет Советской власти, а также дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране.

Кроме того, Инструкцией устанавливался перечень видов наказаний, предусмотренных за указанные деяния, а именно: 1) денежный штраф; 2) лишение свободы на определенный срок; 3) выдворение из столиц, отдельных местностей или в целом за пределы Российской Республики; 4) объявление общественного порицания; 5) объявление виновного врагом народа; 6) лишение виновного всех или некоторых политических прав; 7) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного; 8) принуждение к обязательным общественным работам.

Особо следует отметить, что в Инструкции не устанавливались размеры и сроки наказаний,

а указывалось, что «меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести» [15]. Таким образом, Трибуналу предоставлялось неограниченное усмотрение при назначении наказания.

3 января 1918 г. в Постановлении ВЦИК «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» определялось, что «всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как контрреволюционное действие» [16]. Изложенное позволяет сделать вывод, что понятие «контрреволюционное преступление» получило свое законодательное определение. Однако данный вывод не представляется нам верным. Напротив, считаем, что данное положение рассматриваемого Постановления имеет «каучуковую» форму, которая мешает и не позволяет эффективно бороться с истинно контрреволюционными деяниями.

4 мая 1918 г. СНК принят Декрет «О революционных трибуналах» [17], в соответствии с которым все общеуголовные дела изымались из ведения революционных трибуналов и передавались в местные суды. На трибуналы в свою очередь было возложено решение дел по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерным использованием советских документов, хулиганством и шпионажем.

29 мая 1918 г. Положением ВЦИК и СНК «О Революционном трибунале при ВЦИК» учреждается Революционный трибунал при ЦИК «для суждения по важнейшим делам, которые будут изъяты из подсудности местных революционных трибуналов постановлениями Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров или Народного комиссариата юстиции» [18].

В Постановлении Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов» [19, с. 37] определялась своего рода система контрреволюционных преступлений. Контрреволюционная деятельность охватывала следующие действия:

а) организацию контрреволюционных выступлений против Рабоче-Крестьянского правительства, непосредственное участие в них или в подготовительной к ним стадии;

б) участие во всевозможных контрреволюционных заговорах и организациях, ставивших своей целью свержение Советского правительства, несмотря на то, что в результате деятельности не было контрреволюционного выступления;

в) непосредственное участие в выступлениях, даже если лицо специально не было уведомлено о таковых и не состояло членом какой-либо организации, подготовившей такое выступление.

Кроме того, Кассационный отдел ВЦИК признавал контрреволюционными «всякие выступления, независимо от поводов, по которым они возникли, против Советов, или их исполнительных комитетов или отдельных советских учреждений, как-то: продовольственных, административных и иных, если они сопровождалась разгромами или иными насильственными действиями или хотя бы угрозами таковых по отношению к деятельности или деятелям этих органов» [19, с. 37]. В Постановлении делалось указание на то, что если вышеперечисленные деяния сопровождалась набатным звоном, то «виновные в производстве такового наказываются как прямые участники» контрреволюционного выступления, причем покушение приравнивалось к оконченному преступлению.

В соответствии с рассматриваемым Постановлением от контрреволюционной деятельности были отделены дискредитирование власти и саботаж. Под последним понималось:

а) противодействие Рабоче-Крестьянскому правительству или призыв противодействовать ему путем неисполнения декретов и иных постановлений местной или центральной советской власти;

б) явное игнорирование вышеуказанных постановлений, затруднение своими действиями правильного хода работ в правительственных или общественных учреждениях, призыв к саботажу или организация саботажа.

Постановление признавало дискредитированием власти неосторожное или «умышленное

сообщение, распространение или разглашение явно ложных или непроверенных слухов путем печати или в публичных собраниях или в публичном месте, могущих вызвать общественную панику или посеять недовольство или недоверие к советской власти или отдельным ее представителям» [19, с. 38].

Важно отметить, что в рассматриваемом Постановлении давалось определение хулиганов. Под ними понимались лица, которые «исключительно с целью внести дезорганизацию в распоряжения советской власти или оскорбить нравственное чувство или политические убеждения окружающих» чинят бесчинство. Указанной норме в примечании придавалась обратная сила, а именно, закреплялась возможность привлечения к уголовной ответственности лиц «прошлая деятельность которых, хотя бы и до утверждения власти Советов, признается социально вредной для революции или была прямо против нее направлена» [19]. В примечании также определялся перечень лиц, к которым могла быть применена данная норма. Перечень был исчерпывающим и включал следующие категории лиц: провокаторы, охранники, их осведомители, царские сановники и иные деятели старого режима.

5 сентября 1918 г. было принято Постановление СНК «О красном терроре» [20, с. 38]. Поводом к принятию данного акта стали террористические акты, совершенные 30 августа 1918 г. Именно в данном документе было официально заявлено о начале красного террора. В Постановлении были определены новые пути для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности, а именно:

1) террор;

2) повышение эффективности деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности путем усиления кадрового состава за счет «ответственных партийных товарищей»;

3) изоляция «классовых врагов» в концентрационных лагерях;

4) расстрел всех лиц, прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам;

5) публикация имен всех расстрелянных и оснований применения к ним данной меры.

Следует отметить, что идеологической основой репрессивной политики стало учение о роли и функциях пролетариата. «Мы не ведем войны против отдельных лиц, – писал М. Лацис, пытаюсь обосновать массовое уничтожение буржуазии. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора» [21, с. 66–67]. На основании изложенного можно заключить, что в советском праве особо широкое распространение получает объективное вменение.

12 апреля 1919 г. принят Декрет ВЦИК «О революционных трибуналах», которым были отменены все декреты о Трибуналах, Инструкции и положения о них. Согласно Декрету специальной целью революционных трибуналов признавалось рассмотрение дел «о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета советской власти» [22]. Из данного положения следует, что в рассматриваемый период существовали две группы так называемых преступлений против государственной власти: 1) собственно сами контрреволюционные деяния и 2) всякие иные деяния, «идущие против всех завоеваний Октябрьской революции и направленные к ослаблению силы и авторитета советской власти». Вместе в законодательстве не уточнялось какие деяния следует понимать под последними и более того не определялся перечень деяний, входящих в объем данной группы преступлений против государственной власти.

Следует отметить, что указанным нормативно-правовым актом Трибуналам предоставлялось ничем не ограниченное право в определении меры репрессии. В Декрете прямо указывалось, что «трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести» [22].

Вышеизложенное свидетельствует, что уголовное право рассматриваемого периода было полностью подчинено задаче защите классового интереса, становления и укрепления Советского государства и борьбе со всем тем, что не только мешало, но и могло помешать решению данной задачи. И именно эта задача была закреплена в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, принятых Постановлением НКЮ РСФСР 12 декабря 1919 г. В них провозглашалось, что «право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой. Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания)» [23]. В данном определении права и, в частности, определении уголовного права четко прослеживался классовый подход. Кроме того определялось, что советское правосудие осуществлялось народными судами и революционными трибуналами.

18 марта 1920 г. принят Декрет ВЦИК «О революционных трибуналах», в котором определялись полномочия Трибуналов. К ним относилось рассмотрение нижеуказанных дел:

- «1) о контрреволюционных деяниях;
- 2) дела о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет;
- 3) дела по крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищениях, в подлогах, неправильной выдаче нарядов и участии в спекуляции в той или иной форме, равно как и об иных, более выдающихся должностных преступлениях, в том числе и взяточничестве;
- 4) дела о явном дискредитировании власти советскими работниками;
- 5) дела о дезертирах, признанных злостными, и укрывателях дезертиров, поскольку такие дела комиссиями по борьбе с дезертирством будут признаны превышающими их компетенцию, а также о пособниках и подстрекателях к дезертирству» [24].

Кроме того Трибуналам предоставлялось право принимать к своему производству из на-

правляемых дел, сверх указанных категорий, и дела «о всяких иных деяниях, если усмотрят в них признаки опасности для РСФСР или порядков, в ней установленных» [24]. В Декрете отмечалось, что «Трибунал выносит приговоры, руководствуясь исключительно оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции. В случае признания меры репрессии явно не соответствующей деянию осужденного от кассационного трибунала зависит изменить меру репрессии без вторичного направления дела к слушанию, направляя свои определения об изменении меры репрессии в Президиум ВЦИК для утверждения» [24].

В примечании к ст. 1 говорилось, что «в целях борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, охранения революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами населения, в случае если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за Всероссийской Чрезвычайной Комиссией и губернскими чрезвычайными комиссиями с утверждения Всероссийской Чрезвычайной Комиссии сохраняется право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше пяти лет» [24]. Данное положение включает в себя несколько важных моментов, нуждающихся в пояснении:

1) Словосочетание «паразитические элементы населения». Данное понятие не раскрывается в законодательстве и является, на наш взгляд, «каучуковым». Фактически под это понятие можно «подвести» абсолютно любого человека, неугодного существующей власти, и подвергнуть уголовной репрессии.

2) Подтверждались внесудебные полномочия Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, а именно, за ней сохранялось право применять к так называемым «паразитическим элементам населения» меру принуждения в виде заключения в лагерь принудительных работ сроком до пяти лет. Следует отметить, что внесудебные полномочия ранее были закреплены в Постановлении СНК «Социалистическое отечество в опасности» от 21 февраля 1918 г. и Декрете ВЦИК «О Всероссийской и местных Чрезвычайных Комиссиях по борьбе с контрреволюци-

ей, спекуляцией и преступлениями по должности (Положение)» от 28 октября 1918 г.

Аккумулируя результаты проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Положения Декларации прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г., Конституции РСФСР 1918 г., Декрета СНК от 20 января (2 февраля) 1918 г. РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», носили прогрессивный характер. В них закреплялся ряд принципов, присущих демократическим правовым государствам, в частности, свобода совести. Вместе с тем в законодательстве отсутствовали уголовно-правовые нормы, корреспондирующие данному конституционному положению (о свободе совести).

2. Несмотря на то, что акты Советской власти оперируют понятием «контрреволюционная деятельность (контрреволюционное деяние)», четкой формулировки данного понятия не существовало. Под контрреволюционной деятельностью следует понимать всякое посягательство на Советскую власть. Вместе с тем следует отметить, что в законодательстве исследуемого периода данное понятие раскрывалось аналогично ныне действующему понятию экстремизма (экстремистской деятельности) – путем перечисления различных деяний.

3. В актах Советской власти рассматриваемого периода, принцип законности расценивался как пережиток буржуазного права и уступил место политической целесообразности текущего момента. Принцип субъективного вменения рассматривался Советской властью как тормозящий элемент в борьбе с контрреволюционными преступлениями. В связи с этим в указанный период объективное вменение преобладало в законодательстве и в правоприменительной практике.

4. В рассматриваемый период законодательство в области противодействия экстремизму существенно изменилось, вернее сказать, получило принципиально новую форму в сравнении с дореволюционным. Это объясняется сменой социально-политического строя страны, началом процесса создания нового социалистического права и нормативно-правой базы государства.

5. Несмотря на классовый подход и наличие в некодифицированном уголовном законодательстве Советской власти «универсальных» норм (допускающих возможность их применения к широкому кругу лиц и кругу деяний), а также целой цепочки размытых, «каучуковых» формулировок, позволяющих подвергнуть уголовной репрессии практически любое лицо, можно заключить, что в нем содержалась система преступлений, явившихся прототипом современных преступлений экстремистского характера. Данное положение следует из того, что рассмотренные нормативно-правовые акты, устанавливали ответственность за ряд преступлений, посягающих на безопасность, основы общественного и политического устройства Советского государства; авторитет Советской власти; экономическую безопасность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бешукова З.М. Ретроспективный анализ уголовного законодательства императорской России об ответственности за экстремизм (по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовному уложению 1903 г.) // Национальная безопасность. 2015. № 6. С. 23.
2. Бешукова З.М. Ответственность за преступления экстремистского характера по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Геленджик, 2–3 октября 2015 г. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ В.П. Колягин, д-р юрид. наук, проф. М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2016. С. 45.
3. Бешукова З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности (сравнительно-правовое исследование): монография. Пятигорск: РИА-КМВ. 2011. 208 с.
4. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963—2007 гг.). СПб., 2008. С. 43.
5. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон.-Издание профессора Малинина. СПб., 2005. 847 с.
6. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917-16 марта 1918 г. М.: Государственное издательство Политической литературы, 1957. С. 32.
7. История государства и права СССР (сборник документов). Ч. II. Составители: Гончаров А.Ф., Титов Ю.П. М.: Юридическая литература, 1968. С. 65.
8. Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm>
9. Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/soslov.htm>
10. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января (2 февраля) 1918 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>
11. Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. М., 1985. 173 с.; Савельев В.Н. Свобода совести: история и теория. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.
12. Белявский Д.С. Проблемы реализации права на свободу совести в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 41.
13. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.). URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/>
14. Симорот С.Ю. Правовое регулирование реализации свободы совести в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2000. С. 76.
15. Инструкция «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний». URL: <http://istmat.info/node/28274>

16. Постановление ВЦИК «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» от 3 января 1918 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5318/>.
17. Декрет «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-04-2.htm>.
18. Положением ВЦИК и СНК «О Революционном трибунале при ВЦИК» от 29 мая 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-29-2.htm>.
19. Постановление Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов»: Сборник материалов по истории социалистического законодательства (1917-1937 гг.). М, 1938.
20. Постановление СНК «О красном терроре»: Сборник материалов по истории социалистического законодательства (1917-1937 гг.). М, 1938.
21. Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918-1923. М., 1990. С. 65.
22. Декрет ВЦИК «О революционных трибуналах» от 12 апреля 1919 г. URL: <http://istmat.info/node/35837>
23. Постановление НКЮ РСФСР «Руководящие начала по уголовному праву» от 12 декабря 1919 г. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_861/doc861a649x907.htm
24. Декрет ВЦИК «О революционных трибуналах» от 18 марта 1920 г. // СПС «Консультант Плюс».

REFERENCES

1. Beshukova Z.M. Retrospektivnyi analiz ugovolnogo zakonodatel'stva imperatorskoi Rossii ob otvetstvennosti za ekstremizm (po Ulozheniyu o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 g. i Ugolovnomu ulozheniyu 1903 g.) // Natsional'naya bezopasnost'. 2015. № 6. S. 23.
2. Beshukova Z.M. Otvetstvennost' za prestupleniya ekstremistskogo kharaktera po Ulozheniyu o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 goda // Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 goda: kontseptual'nye osnovy i istoricheskoe znachenie (k 170-letiyu so dnya prinyatiya): materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Gelendzhik, 2–3 oktyabrya 2015 g. / otv. red. d-r yurid. nauk, prof., zasluzhennyy yurist RF V.P. Konyakhin, d-r yurid. nauk, prof. M.L. Prokhorova. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t; Prosveshchenie-Yug, 2016. S. 45.
3. Beshukova Z.M. Prestupleniya, svyazannye s osushchestvleniem ekstremistskoi deyatel'nosti (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): monografiya. Pyatigorsk: RIA-KMV. 2011. 208 s.
4. Volzhenkin B.V. Izbrannyye trudy po ugovolnomu pravu i kriminologii (1963—2007 gg.). SPb., 2008. S. 43.
5. Entsiklopediya ugovolnogo prava. T. 2. Ugolovnyi zakon.-Izdanie professora Malinina. SPb., 2005. 847 s.
6. Dekrety Sovetskoi vlasti. Tom I. 25 oktyabrya 1917-16 marta 1918 g. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Politicheskoi literatury, 1957. S. 32.
7. Istoriya gosudarstva i prava SSSR (sbornik dokumentov). Ch. II. Sostaviteli: Goncharov A.F., Titov Yu.P. M.: Yuridicheskaya literatura, 1968. S. 65.
8. Deklaratsiya prav narodov Rossii ot 2 (15) noyabrya 1917 g. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm>
9. Dekret «Ob уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) noyabrya 1917 g. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/soslov.htm>
10. Dekret SNK RSFSR «Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi» от 20 yanvarya (2 fevralya) 1918 g. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>
11. Rozenbaum Yu.A. Sovetskoe gosudarstvo i tserkov'. M., 1985. 173 s.; Savel'ev V.N. Svoboda sovesti: istoriya i teoriya. M.: Vysshaya shkola, 1991. 140 s.
12. Belyavskii D.S. Problemy realizatsii prava na svobodu sovesti v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii, nakhodyashchikhsya v predelakh Yuzhnogo federal'nogo okruga: Dis. ... kand. yurid. nauk. Stavropol', 2004. S. 41.

13. Konstitutsiya (Osnovnoi Zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.). URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/>
14. Simorot S.Yu. Pravovoe regulirovanie realizatsii svobody sovesti v Rossiiskoi Federatsii: Dis. ... kand. yurid. nauk. Khabarovsk, 2000. S. 76.
15. Instruktsiya «O revolyutsionnom tribunale, ego sostave, delakh, podlezhashchikh ego vedeniyu, nalagaemykh im nakazaniyakh i o poryadke vedeniya ego zasedanii». URL: <http://istmat.info/node/28274>
16. Postanovlenie VTsIK «O priznanii kontrevolyutsionnym deistviem vseh popytok prisvoit' sebe funktsii gosudarstvennoi vlasti» ot 3 yanvarya 1918 g. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5318/>
17. Dekret «O revolyutsionnykh tribunalakh» ot 4 maya 1918 g. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-04-2.htm>
18. Polozheniem VTsIK i SNK «O Revolyutsionnom tribunale pri VTsIK» ot 29 maya 1918 g. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-29-2.htm>
19. Postanovlenie Kassatsionnogo otdela VTsIK ot 6 oktyabrya 1918 g. «O podsudnosti revolyutsionnykh tribunalov»: Sbornik materialov po istorii sotsialisticheskogo zakonodatel'stva (1917-1937 gg.). M, 1938.
20. Postanovlenie SNK «O krasnom terrore»: Sbornik materialov po istorii sotsialisticheskogo zakonodatel'stva (1917-1937 gg.). M, 1938.
21. Mel'gunov S.P. Krasnyi terror v Rossii 1918-1923. M., 1990. S. 65.
22. Dekret VTsIK «O revolyutsionnykh tribunalakh» ot 12 aprelya 1919 g. URL: <http://istmat.info/node/35837>
23. Postanovlenie NKYu RSFSR «Rukovodyashchie nachala po ugolovnomu pravu» ot 12 dekabrya 1919 g. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_861/doc861a649x907.htm
24. Dekret VTsIK «O revolyutsionnykh tribunalakh» ot 18 marta 1920 g. // SPS «Konsul'tant Plyus».